

Статеева Елена Васильевна

КОММУНИКАТИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ МЕДИАЦИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются лингвокультурологические аспекты коммуникативной языковой медиации в условиях межкультурного и межсоциального общения. На материале современной англоязычной художественной литературы автор анализирует роль языкового медиатора в поддержании коммуникации, необходимость вмешательства которого является обусловленной культурными причинами, в частности, коммуникативной лингвокультурной или социокультурной интерференцией, а также требованиями вежливости как национально-специфичной категории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 160-163. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19-30.
9. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. М. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. Изд-е 3-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1978. 543 с.
10. Хуснутдинов А. А. Грамматика фразеологической единицы: дисс. ... д. филол. н. СПб., 1996. 237 с.
11. Herzog A. Idiomatic Redewendungen von A-Z. Berlin und München: Langenscheidt KG, 1993. 156 S.

STRUCTURAL MODELS OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE ENGLISH, RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES (BY THE MATERIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS CHARACTERIZING POWER)

Spirina Tat'yana Sergeevna

*Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
Tata532infak@yandex.ru*

The article is devoted to a structural-grammatical analysis of phraseological units characterizing power in the English, Russian and German languages. The basic structural models of phraseological units are given and described, they are substantive, verbal, adverbial, and phraseological units with a sentence structure. The comparative-contrast analysis of a phraseological unit of the specified thematic group in the English, Russian and German languages is presented. Particular attention is paid to the similarities and differences between the structures of phraseological units.

Key words and phrases: phraseological unit; structural-grammatical analysis; power; model; syntactic relations.

УДК 8;81-22

Филологические науки

В статье рассматриваются лингвокультурологические аспекты коммуникативной языковой медиации в условиях межкультурного и межсоциального общения. На материале современной англоязычной художественной литературы автор анализирует роль языкового медиатора в поддержании коммуникации, необходимость вмешательства которого является обусловленной культурными причинами, в частности, коммуникативной лингвокультурной или социокультурной интерференцией, а также требованиями вежливости как национально-специфичной категории.

Ключевые слова и фразы: межкультурная коммуникация; межсоциальная коммуникация; языковая медиация; коммуникативная интерференция; национально-культурные стереотипы.

Статеева Елена Васильевна

*Санкт-Петербургский государственный университет
helenarty@mail.ru*

КОММУНИКАТИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ МЕДИАЦИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ[©]

Приступая к рассмотрению лингвокультурологического аспекта вопросов речевого общения, необходимо отметить, что современная лингвистика отказывается от тезиса господствовавшего ранее структурализма о «нерелевантности для языкознания всякого рода внешних по отношению к языку и неустойчивых явлений, связанных с психологическими, стилистическими и даже собственно коммуникативными аспектами речи» [1, с. 4]. Начиная с 70-х годов XX века и по сей день во всех науках о человеке, таких как философия, психология, социология, лингвистика, наблюдается устойчивый рост интереса к проблемам общения, речевой коммуникации. Большинство исследований носят междисциплинарный характер, поскольку учёные стремятся изучать язык в широком контексте. Как замечает В. Н. Комиссаров, «языкознание превратилось в подлинную макролингвистику – целый комплекс лингвистических дисциплин, изучающих все многообразие форм, способов, результатов и особенностей существования языка в человеческом обществе» [10, с. 3-4].

Одним из стимулов для изменения научной парадигмы стало формирование в обществе заказа на знание закономерностей человеческого общения, которые необходимы для повышения эффективности коммуникации [6]. В зарубежных исследованиях данный феномен выделяется как отдельный объект изучения и обозначен как *compliance-gaining studies* (наука о способах достижения согласия).

Коммуникативная языковая медиация (КЯМ) является одним из видов речевого общения, еще не получившим достаточного теоретического осмысления.

В одной из предыдущих публикаций мы предложили понимать КЯМ как процесс оптимизации речевого общения двух или более коммуникантов сторонним участником, собственной коммуникативной целью которого является гармонизация общения [17]. Целью настоящей статьи является исследование лингвокультурологического аспекта КЯМ.

По мнению М. Н. Кожинной, экстралингвистические факторы «... в случае конкретной реализации языковой коммуникации становятся уже не экстралингвистическими, а в известном смысле (коммуникативном, социальном) лингвистическими, т.к. от них зависят закономерности употребления языка в речи (текстах), и даже не только зависят, но определяются ими» [9, с. 38].

Системные связи между признаками, составляющими своеобразие той или иной лингвокультуры, образуют код культуры, который зафиксирован в знаках соответствующей культуры, в частности, в языке, характеризуется определенной стабильностью и может быть объективно установлен на основе анализа значений слов и выражений, коммуникативных стереотипов и прецедентных текстов [7].

Используя термин М. М. Бахтина [2, с. 361], Д. Б. Гудков называет межкультурную коммуникацию, как и коммуникацию вообще, взаимодействием «говорящих сознаний», подчеркивая при этом, что «для возможности этого взаимодействия необходимо пересечение когнитивных пространств общающихся; при этом чем больше зона этого пересечения, тем адекватнее будет коммуникация» [4, с. 23].

В настоящее время общепризнанной является мысль о том, что главной причиной непонимания при межкультурном общении является не различие языков, а различие национальных самосознаний коммуникантов [19; 20], а само межкультурное общение рассматривается как «оппозитивный диалог сознаний» [18, с. 3-9], в ходе которого в конфликт вступают «свои» и «чужие» когнитивные, эмотивные, аксиологические установки. Иными словами, неудачи в межкультурном общении зачастую происходят не из-за невозможности понять то, что говорит собеседник, а из-за неверной интерпретации того, что он хотел сказать. Как известно, чтобы язык мог служить средством общения, за ним должно стоять единое или сходное понимание реальности [14, с. 272]. Когда эта реальность различна, знание языка не гарантирует успешной коммуникации.

А. Вежбицкая подчеркивает, что в разных культурах за использованием тех или иных форм могут стоять разные принципы общения и ценности. Невозможно оценивать то или иное явление культуры с точки зрения другой культуры, поскольку они формируются совершенно разными культурными нормами и ценностями [3]. М. Л. Макаров также говорит о недопустимости панкультурного универсализма, предлагая многие формы языкового общения считать культурно-специфическими. Так, для англо-американской лингвокультуры первичным проявлением коммуникативности является речь, т.е. умение говорить, но для индейцев племени *Black Feet*, живущих на границе Канады и США, главное проявление коммуникативности — молчание, умение слушать; именно это они имеют в виду, если о ком-то отзываются фразой «*He is a great communicator*». / «Он прекрасный собеседник» [15, с. 211].

Одновременно с изучением взаимодействий коммуникантов, пользующимися разными языками, социолингвисты обратили внимание на то влияние, которое оказывают социальные факторы (принадлежность к определенному классу, роду, этническому типу и др.) на лингвистическую вариативность, отвергая устоявшееся представление об однородности языковой общности, владеющей одним и тем же языком [5, с. 117]. Каждая языковая личность обладает собственным лексиконом, грамматиконом, прагматиконом [8] и несет в себе как личный опыт знаний, мнений, предпочтений, оценок, отношений, так и типизированные, обобщенные черты своей культуры и своей социальной среды. Н. Н. Формановская относит социальные признаки носителей языка к факторам внешней антропоцентрической лингвистики, влияющим на создание и восприятие дискурса [21, с. 157].

С точки зрения языковой и социальной принадлежности коммуникантов В. В. Красных выделяет: 1) моносоциумную монокультурную коммуникацию, отмечая, что в данном случае вероятность коммуникативных сбоев и провалов стремится к нулю; 2) межсоциумную монокультурную коммуникацию, при которой проблемы в коммуникации вполне возможны; 3) моносоциумную межкультурную коммуникацию; 4) межсоциумную межкультурную коммуникацию, считая ее самым «опасным» случаем с точки зрения потенциальных конфликтов [11, с. 98].

В основе многих проблем межкультурного общения лежит перенос национально-культурных стереотипов поведения, характерных для родной лингвокультуры, на процесс общения с представителями иных лингвокультур, т.е. коммуникативная лингвокультурная интерференция, которую можно определить как вмешательство факторов родной культуры, языка и национального сознания в интерпретацию инокультурного коммуникативного поведения и в собственное поведение при межкультурном общении [13]. При межкультурном общении роль медиатора естественным образом может принимать на себя переводчик (в том числе и непрофессиональный), обладающий не только соответствующей языковой компетенцией, но и знанием особенностей взаимосоприкасающихся культур. Подчеркивая, что роль межъязыкового медиатора не сводится к простой передаче информации, русский журналист А. Остальский, который почти двадцать лет живет и работает в Великобритании, остроумно замечает, что «от толмача <...> слишком многое зависит, чтобы поручать чувствительные переговоры профессионалу. Тот ведь буквально и добросовестно все переведет, вот в чем ужас» [16, с. 289-290].

При межсоциумном общении причины взаимного непонимания могут заключаться в различии словарных фондов моноязычных собеседников, обусловленном их социальной или профессиональной принадлежностью, в несовпадении их фонетических систем и др. Рассмотрим пример: королева просит соседней одолжить ей топор, но соседи плохо понимают «королевский английский»: «*Excuse me, but do you have an axe I could borrow?*» / Извините, не найдется ли у вас займы секач? – обращается к ним королева. Но соседям слышится не *axe*, а непонятное *ix*. «*An ix?*» repeated Tony. / Сикач? – переспросил Тони. Королева, в свою очередь, не понимает, почему соседи пришли в замешательство: «*Yes, an axe*». / Да, секач. Ситуация не прояснилась: «*An ix?*» puzzled Beverly. *The Queen was growing impatient. She had made a simple request; her new*

neighbours were obviously morons. She was aware that educational standards had fallen, but not to know what an axe was... It was a scandal [24, p. 36-37]. / Сикач? – Беверли была озадачена. Терпение королевы истощалось. Она обратилась к ним с простой просьбой, но ее новые соседи оказались явно слабоумными. Ей известно, что качество образования в стране сильно снизилось, но чтобы не знать, что такое секач... Форменный скандал. Тем не менее, королева продолжает прилагать усилия, чтобы заполучить необходимый ей предмет: *«I need an implement of some kind to gain access to my house»* [Ibidem]. / Мне нужно приспособление, чтобы попасть в дом. Но дело идет еще хуже: *«Arse?»* / В дым? Королева негодует: *«House!»* / В дом! Общение грозит стать полностью неуспешным и даже конфликтным. Тогда в беседу вступает языковой медиатор, знакомый с особенностями фонетических систем обеих сторон коммуникации, который в меру своих способностей разрешает конфликт: *The driver volunteered his services as translator. His hours of talking to the Queen had given him a new found linguistic confidence* [Ibidem]. / Водитель вызвался побыть переводчиком. Часами беседуя с королевой, он обрел некоторую уверенность в своих лингвистических способностях.

В условиях межсоциального моноязыкового общения можно наблюдать коммуникативные затруднения, вызванные несоответствием речевых экспектаций коммуникантов при интерпретации коммуникативного поведения его участников, что является результатом переноса стереотипов, характерных для определенной социальной группы, на представителей других групп, что можно считать коммуникативной социокультурной интерференцией. Так, на примере разговора представителя верхушки среднего класса с бездомным маргиналом Драно мы видим, что даже при обсуждении элементарного вопроса (*«Where do you live, Drano?»* – *«Here, in D. C.»*) [23, p. 27] / Где ты живешь, Драно? – Здесь, в округе Колумбия.) возникло некоторое непонимание. Представитель субкультуры истолковал вопрос представителя основного, господствующего класса, исходя из представления о реалиях собственного существования. Здесь в качестве медиатора выступает человек, хорошо знакомый с особенностями жизни людей, не имеющих крыши над головой: *«Where do you stay?»* Mordecai asked, correcting my vernacular [Ibidem]. / Где ты ночуешь? – поправил меня Мордехай. Отвечая на переформулированный вопрос, Драно охотно пускается в более подробные объяснения: *«Stay here and there. I got a lot of rich women who pay me to keep them company»* [Ibidem]. / Где придется, там и ночую. У меня полно знакомых богачек, готовых раскошелиться в обмен на мою компанию. В данном случае вмешательство медиатора обусловлено различиями в понимании социальной действительности моноязычными участниками коммуникации, принадлежащими к различным социальным слоям.

Но и внутри моноязычного монокультурного общения, где «правила игры» понятны всем его участникам, может появиться необходимость в помощи медиатора, которая бывает вызвана именно национально-культурными особенностями общения, требованиями сохранения лица участниками общения, нормами вежливости, которая также является национально-специфичной категорией. Приведенный ниже эпизод является примером культурно-обусловленного сценария, направляющего коммуникативное поведение представителей британской культурной общности, где одной из важнейших коммуникативных задач является демонстрация уважения личной свободы человека и недопустимость оказания прямого давления на него [12, с. 212]. Вовлечение медиатора в коммуникацию происходит по инициативе участников коммуникации, которые избегают непосредственного общения между собой в узком смысле (как языковой интеракции), тем не менее, являясь его активными участниками в плане использования паралингвистических средств коммуникации. Коммуниканты апеллируют к председателю собрания, буквально навязывая ему коммуникативную роль медиатора, которую он вынужден принять, поскольку одной из обязанностей, сопряженных с его социальной ролью, является обеспечение бесконфликтного общения внутри данной социальной группы. Президент Клинтон-Леси собирается приступить на собрании к обсуждению насущных вопросов, когда его неожиданно перебивает один из членов клуба, закашлявшись из-за едкого трубочного дыма, который пускает ему в лицо его оппонент: *«Excuse me, Mr President», he said, «I understood we had agreed to a no-smoking rule at Fellow' meetings?»* / Прошу прощения, господин президент, – заявил он, – я правильно понимаю, что курение во время собрания запрещено правилами клуба? Признавая резонность требований, президент вынужден отреагировать: *«Well, that is certainly true, yes. Admiral Munroe, I wonder if you would mind...?»* / Да, это действительно так. Надеюсь, вы не будете возражать, адмирал Монро...? Адмирал выполняет просьбу человека, облеченного высоким статусом, выразив отрицательные эмоции с помощью паралингвистических средств. *Munroe banged his pipe down on the table and gave Menzies a look charged with deepest venom. Menzies smiled and transferred a sweet from one side of his mouth to the other.* / Монро хлопнул трубкой об стол, метнув в Мензиса полный ненависти взгляд. Улыбаясь, тот перекатил во рту карамельку. Мензис полностью удовлетворен. Поблагодарив адмирала Монро, президент собирается приступить к обсуждению повестки дня, но ему это снова не удастся. Теперь к президенту апеллирует адмирал Монро: *«Excuse me, Mr President, he said. Am I alone in detecting a nauseating smell of spearmint in this room?»* / Прошу прощения, господин президент, мне одному мерещится тошнотворный запах мяты в этом помещении? Правила клуба одинаковы для всех, поэтому Мензис вынужден подчиниться. *Menzies angrily took the mint from his mouth and dropped it into the ashtray in front of him. Munroe smiled beatifically.* / Вытащив мятную карамельку изо рта, Мензис швырнул ее в стоящую перед ним пепельницу. Монро расплылся в блаженной улыбке [22, p. 63]. Эскалации конфликта удастся избежать, поскольку обе стороны удовлетворены тем, что, прибегнув к помощи медиатора, они добились своей цели, не подвергая угрозе собственное лицо.

Итак, мы видим, что, несмотря на неоднородность фигуры медиатора, востребованность его включения в процесс коммуникации появляется в тот момент, когда возникает угроза успешности коммуникации,

обусловленная рассогласованностью параметров коммуникантов, которые могут быть асимметризованы различиями в поле, возрасте, социальном положении, языковой компетенции и т.п., либо угроза лицу участников коммуникации. Поэтому логично предположить, что медиатором может стать любая языковая личность, владеющая кодами общения обоих коммуникантов, собственной коммуникативной целью которой является оптимизация речевого общения и устранение его конфликтной составляющей, что одинаково верно как в случае межъязыковой коммуникации, т.е. в совокупности с переводом, так и в пределах одного языка.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 3-42.
2. Бахтин М. М. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. 607 с.
3. Вежбицкая А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs «непрямота» // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Колледж, 2003. С. 136-159.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
6. Зильберман Н. Н. Трилог как особая форма речевого взаимодействия [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филол. н. Томск, 2009. URL: <http://www.disscat.com/content/trilog-kak-osobaya-forma-rechevogo-vzaimodeistviya> (дата обращения: 15.09.2014).
7. Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. Г., Грабарова Э. В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
9. Кожина М. Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки. 1987. № 2. С. 35-41.
10. Комиссаров В. Н. Общая история перевода. М., 1999. 134 с.
11. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
12. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.
13. Ларина Т. В. Лингвокультурная коммуникативная интерференция // *Humaniora: Lingua Russica: труды по русской и славянской филологии: лингвистика IX: взаимодействие языков и языковых единиц* / отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2006. С. 184-196.
14. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. Изд-е 3-е изд. М. – СПб.: Смысл; Лань, 2003. 288 с.
15. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
16. Остальский А. Иностранец ее Величества: документальный роман. СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора»», 2013. 412 с.
17. Петрова Е. С., Статеева Е. В. Перевод и коммуникативная языковая медиация: границы понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9. Ч. 2. С. 121-126.
18. Сорокин Ю. А. Этническая конфликтология (Теоретический и экспериментальный фрагменты). Самара: Русский лицей, 1994. 94 с.
19. Тарасов Е. Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная реальность. М., 1996. С. 6-15.
20. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: этнопсихолингвистическая парадигма исследования // Методология современной психолингвистики. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 162-174.
21. Формановская Н. Н. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 480 с.
22. Fry S. *The Liar*. London, 2011. 388 p.
23. Grisham J. *The Street Lawyer*. N. Y., 2003. 464 p.
24. Townsend S. *The Queen and I*. Reading, 1993. 288 p.

COMMUNICATIVE LINGUISTIC MEDIATION IN LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT

Stateeva Elena Vasil'evna
Saint Petersburg State University
helenarty@mail.ru

The article examines the linguoculturological aspects of communicative linguistic mediation under cross-cultural and inter-ethnic communication. By the material of the modern English fiction the author analyzes the role of the linguistic mediator in maintaining communication, the necessity for his/her involvement is conditioned by cultural reasons, in particular, communicative linguocultural or sociocultural interference as well as the requirements of politeness as a national specific category.

Key words and phrases: cross-cultural communication; inter-ethnic communication; linguistic mediation; communicative interference; national and cultural stereotypes.